

УДК 330.1

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ И ДИАЛЕКТИКА МОДЕЛИ «ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА» В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

В.З. Баликов

Новосибирский государственный архитектурно-строительный
университет (Сибстрин)

E-mail: Balikoev1941@yandex.ru

Рассматривается диалектика модели «экономического человека» в различных направлениях экономической теории и делается попытка доказать единство экономического детерминизма и «экономического» человека в экономической теории.

Ключевые слова: экономический детерминизм, «экономический человек», диалектика, эгоистический интерес, соотношения материального и духовного.

ECONOMIC DETERMINISM AND DIALECTIC OF «ECONOMIC MAN» MODEL IN ECONOMICS

B.Z. Balikoev

Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Sibstrin)

E-mail: Balikoev1941@yandex.ru

Dialectic of «economic man» model in various directions of economics is considered. The attempt to prove unity of economic determinism and «economic» man in economics is made.

Key words: economic determinism, «economic man», dialectic, egoistic interest, relation of material and spiritual.

Проблема «экономического человека» всегда была в центре внимания экономической теории и гуманитарных наук: социологии, философии, психологии, политологии. Достаточно назвать имена выдающихся ученых, известных всем: А. Смит, К. Маркс, И. Шумпетер, Ф. Махлуп, Э. Дюркгейм, Р. Дарендорф, К. Бруннер, О. Уильямсон, К. Поппер, Г. Дилигенский, В. Автономов и др. Термину «экономический человек» (homo economicus) разные авторы придают разные значения, пишет В.Автономов. Мы так будем называть или модель или концепцию человека в экономической теории... Место обитания нашего «экономического человека» – это прежде всего теоретические труды ученых-экономистов. В этом смысле в параллель «экономическому человеку» можно поставить социологического, психологического, политологического и т.д. Отношение между экономическим человеком и человеком, участвующим в реальной хозяйственной жизни, представляет собой серьезную методологическую проблему [1, с. 25]. И при том проблему междисциплинарного характера.

Исследуя данную проблему в историческом аспекте, автор обратил внимание на сколь необычную, столь и неожиданную связь концепции «экономического человека» с экономическим детерминизмом, разработанным К. Марксом и Ф. Энгельсом. Здесь речь идет вовсе не о том, является ли автор

сторонником или противником экономического детерминизма, хотя ответ на этот вопрос утвердительный. Главное заключается в идее, утверждающей, что экономический детерминизм является результатом развития всей экономической теории в течение более чем 300 лет, а не только открытием Маркса. Вольно или невольно сторонниками экономического детерминизма оказывались ученые-экономисты, которые нещадно его критиковали, часто становясь его идеологическими противниками. Естественно, Маркс отвечал им взаимностью. На деле же оказалось, что критики Маркса были более ортодоксальными сторонниками экономического детерминизма, чем он.

К. Маркс и Ф. Энгельс вызвали в свое время протест в среде гуманистариетов своим диалектико-материалистическим пониманием истории, особенно ее экономическим аспектом. Суть такого понимания истории заключается в том, что материальное производство составляет основу всякого общественного строя. В каждом обществе разделение его на классы и социальные группы определяется тем, что и как производится, распределяется и обменивается. Иначе говоря, причины всех общественных изменений, политических и социальных потрясений надо искать в экономике соответствующей эпохи. Следовательно, пишет Ф. Энгельс, способы, методы и средства разрешения возникающих проблем надо искать в изменениях способа производства и обмена, а не изобретать из головы. Открывать их при помощи головы в изменяющихся производственных отношениях, в наличных материальных факторах [12, с. 20–23]. Иначе говоря, материальное первично, а духовное – вторично.

К. Маркс обозначил этот феномен резче. Прежде чем любить, писать стихи, наблюдать за звездами, люди должны что-то съесть, во что-то одеться и где-то жить. Пища, жилище, одежда – вот что необходимо прежде всего для развития человека. Для производства и воспроизводства его жизни. Такое отчетливое недвусмысленное выделение значимости материального относительно духовного получило в экономической и социальной литературе название экономического детерминизма: первое в исторической тенденции определяет второе [11, с. 79].

В целом-то, казалось бы, ничего нового. Эта проблема соотношения духовного и материального стара как мир. Любому образованному человеку известна древнегреческая максима – «Бытие определяет сознание». Однако древние греки не сформулировали материалистическое понимание истории да еще и в диалектике. Вырвав эту идею из контекста, экономисты, социологи, философы извратили ее в том смысле, что экономическим факторам развития придали фатальный характер, якобы, это единственно определяющий общественное развитие фактор.

Такое восприятие данной идеи совершенно не соответствовало марксистскому ее пониманию. Но когда простоту логики диалектико-материалистического понимания истории абсолютизировал друг и соратник самого Маркса П. Лафарг, а затем с ее «революционной» критикой выступил Е. Дюринг, Ф. Энгельсу пришлось выступить с некоторыми разъяснениями. Он пишет: «Согласно материалистическому пониманию истории, в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни Я, ни Маркс

большого никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто единственно определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую абстракцию, бессмысленную фразу» [13, с. 394].

Безусловно, экономический детерминизм является глубоко диалектическим феноменом, который проявляет объективный характер своего действия лишь в исторической перспективе и то в тенденции, ничуть не умаляя или принижая роль духовных, если хотите, гуманистических факторов или ценностей в историческом развитии.

Тем не менее критика экономического детерминизма не стихает до сих пор. Русский философ-экономист С.Н. Булгаков (1871–1944) назвал его в свое время экономическим материализмом, а само признание примата материального над духовной стороной жизни – «экономико-материалистическим обмороком».

Свое неприятие (в своем же понимании) экономического детерминизма С.Н. Булгаков называет «антиэкономическим идеализмом». Как религиозный философ он отводит духовному роль ценностного первоначала в процессе хозяйствования и утверждает, что от подлинно духовного исходит истинность, системность и целесообразность творческой деятельности и человека [5].

Э. Дюркгейм (1858–1917) значительно решительнее восстает против Маркса и определяет экономические явления как вторичные, производные, подчиненные факторам, явлениям, процессам социального и этического порядка. Он недвусмысленно утверждает, что моральные и религиозные факторы лежат в основе экономики, они цементируют и скрепляют человеческое общество как сообщество, основанное на солидарности.

В развитие этой идеи он возводит религию до уровня идеологии, наделяя ее функциями воссоздания сплоченности и выдвижения идеалов, стимулирующих общественное развитие. Материальные же факторы общественной жизни сводит к эколого-демографическим аспектам, а материалистическое понимание истории – к узкому и вульгарному экономическому материализму [7, с. 62–64]. Э. Дюркгейм – выдающийся социолог, в данном контексте возвращает экономическую теорию в домеркантилистскую эпоху.

К С.Н. Булгакову и Э. Дюркгейму примыкает известнейший представитель немецкой исторической школы в политэкономии В. Зомбарт. Он выводит поиск «духа хозяйственной жизни» в качестве главной, принципиальной задачи. Этот самый «дух», он же уклад хозяйственного мышления, определяет экономический порядок и формирует социальные устои общества на конкретной ступени хозяйственного развития [8, с. 33–34].

Наиболее сдержанно и точно общее «осуждение» экономического детерминизма Маркса выразил современный российский философ А.П. Ветошкин: «Схематически из производительных сил и производственных отношений нельзя вывести и понять специфику и собственную активную роль всех остальных общественных явлений. За социальной и экономической “материей” имущественных, вещных, производственных отношений людей скрыты отношения духовно-нравственные в своей основе. Высота или уровень нравственных оснований экономических или иных общественных отношений определяет их человечность, “атмосфера” единства или

отчужденности, сотрудничества или вражды, дружбы или злобы, надежды или отчаяния. В конечном счете, именно духовно-нравственные основания хозяйствующей личности, взятые как в широком, так и в узком смысле, определяют человека как творца и хозяина своей жизни или делают его невольником хозяйства, низводят до положения вещи, наделенной сознанием и волей» [6, с. 29].

Однако если стать на позиции научного, диалектического материализма и рассматривать все экономические и социальные явления во взаимосвязи и взаимозависимости, в процессе изменения и движения, т.е. в развитии, то вряд ли такая оценка экономических факторов окажется верной, так как в принципе вышеприведенные авторы и другие ломаются в открытые ворота, ибо ни Маркс, ни Энгельс столь односторонне никогда не рассматривали экономический детерминизм.

Хотел бы особо подчеркнуть, что в данной работе марксистское понимание истории вовсе не защищается. Мне представляется, что оно в этом и не нуждается. Столь длинную преамбулу к рассматриваемой проблеме я изложил исходя только из одной мысли, что современный читатель плохо знаком, а то и вовсе не знаком с поставленной проблемой. Я лишь изложил суть и характер извращения марксизма в главной его части, для того чтобы показать, что Маркс и Энгельс вовсе не были первооткрывателями экономического детерминизма. Его постепенно, в процессе своего развития выковывала экономическая теория задолго до них. Но самое удивительное то, что экономический детерминизм до уровня методологии экономической науки поднял маржинализм, который изначально возник как антимарксистское направление в экономической теории.

Разберемся более детально. Диалектико-материалистическое понимание истории имеет три уровня анализа. Первый уровень – наиболее общий – исследует диалектику общественно-экономических формаций. Здесь история развития человеческого общества подается как закономерная и последовательная смена одной формации другой в такой последовательности: первобытная община, рабовладение, феодализм, капитализм и коммунизм. Не будем заниматься здесь ни защитой, ни критикой теории общественно-экономических формаций, так как нас здесь не интересует первый уровень анализа. Второй уровень – анализ внутрiformационных отношений между производительными силами и производственными отношениями, между базисом и надстройкой. Собственно, о них до сих пор и шла речь в данной работе. Именно на втором уровне анализа наиболее ярко видна диалектика взаимоотношений материального и духовного, подлинно научное понимание «экономического детерминизма».

И, наконец, третий уровень анализа – возникновение и становление модели «экономического человека» в экономической теории. Остановимся на этом более подробно, так как «экономический детерминизм» здесь проявляется на индивидуальном уровне, на уровне формирования его поведения, ментальности, на уровне формирования его предпочтений в ходе его индивидуальной хозяйственной деятельности. Наиболее четко, зримо, ощутимо.

Конечно, экономический детерминизм и «экономический человек» далеко не одно и то же с точки зрения науки. Первый – анализ явления на категориальном уровне, наиболее обобщенно, абстрактно, на уровне мето-

дологии. Второй уровень вытекает из первого, но этот анализ явления на субъектном уровне, на уровне поведения индивида, где формируются его мотивы и стимулы в хозяйственной деятельности. Это два взаимосвязанных уровня анализа, где взаимосвязь проявляется в том, что «экономический человек» в реальной действительности, исторически является грубым, прямолинейным воплощением экономического детерминизма. В извращенном, гипертрофированном виде. Его вульгаризацией.

Если экономический детерминизм есть глубоко диалектическое явление и обнаруживает свой диалектический характер лишь в длительной исторической тенденции, ничуть не умаляя или принижая роли духовных, идеальных, гуманистических факторов развития или ценностей, то «экономический человек», напротив, прямолинейно, примитивно, своим экономизмом просто попирает, в лучшем случае, игнорирует эти самые ценности.

В экономической теории «экономический человек», исходящий в хозяйственной деятельности из своих эгоистических интересов, появился уже у меркантилистов, хотя его не называли именно так. Даниель Дефо (1660–1731), более известный как литератор, чем меркантилист, писал: «Выгода – вот чему служит обмен товарами... (такой обмен приносит взаимную прибыль торгующим. Я даю Тебе выиграть от меня то, что Я хочу выиграть от Тебя)» [1, с. 36]. Не случайно само понятие «экономического человека» вошло в наше сознание через этого великого писателя, описавшего злоключения Робинзона Крузо (1719 г.). Отсюда и термин «робинзо-нада» как синоним необъективного научного исследования.

Дж. Стюарт (1712–1780) – поздний меркантилист – пишет, что в паруса торговых наций «...Дует один ветер; этот ветер – принцип частного интереса, заставляющий каждого потребителя искать самый дешевый и лучший рынок. Нет ветра более постоянного, чем этот» [1, с. 38].

Но надо помнить, что в средние века экономическая мысль еще не сложилась в теорию или науку. Она не была представлена системными исследованиями, а возникала спорадически, случайно, в связи с проявляющимися экономическими проблемами. И в большей своей части они касались торговли, ростовщичества, а затем и земельных отношений. При этом профессиональных экономистов как таковых не было, и этими исследованиями занимались, как правило, теологи, юристы, философы. Один пример Ф. Кенэ (1694–1774) чего стоит. До 60 лет он был придворным врачом Людовика XV. Да и великий Адам Смит ранее занимался нравственной философией.

Поэтому экономическая наука в то время была функцией социальной организации общества, а, следовательно, сознание и поведение людей в хозяйственной деятельности подчинялись моральным и религиозным нормам. Канонам религиозной, в данном случае христианской этики. Любые возникающие экономические воззрения сопоставлялись с тем, что сказано в Писании [3, с. 6], которое, по существу, управляло социальными отношениями. Именно поэтому тогда «экономический человек» не стал предметом исследования экономистов, которых как профессионалов попросту не существовало.

Впервые в экономической литературе «экономический человек – homo economicus» и как термин и как понятие был упомянут, введен в науку и исследован А. Смитом (1723–1790). В своем капитальном труде «Исследо-

вание о природе и причинах богатства народов» А. Смит впервые в истории экономической теории обосновывает концепцию «экономического человека», который становится главным конструктом разработанной им экономической системы. Он утверждал, что каждый человек по определению обладает двумя свойствами в хозяйственной деятельности. Во-первых, стремлением соблюсти свой собственный интерес и улучшить свое положение. В целом любой человек – эгоист. Во-вторых, он обладает склонностью к обмену на основе общественного разделения труда. По Смиту, главный мотив в хозяйственной деятельности «экономического человека» – своекорыстный интерес. Именно поэтому он и находится во взаимосвязи с такими, как он сам.

Определяя человека как сгусток своекорыстного интереса, Смит рассматривает общество как экономическую систему, в которой хаотические и корыстные действия отдельных индивидов обеспечивают порядок и гармонию, ведут к общему благу, к экономическому росту.

Что очень важно отметить! «Экономический человек» Смита выступает как элемент экономической системы, в которой его и ему подобных связывает «невидимая рука» рынка – конкуренция. Таким образом, «хозяйственно самостоятельные индивиды, преследуя своекорыстные интересы самым “естественным порядком” направляются ко всеобщему благу» [15, с. 91].

Д. Рикардо (1772–1823) полностью воспринял «экономического человека» Смита и подчеркнул, что стремление к собственному интересу самоочевидно и не нуждается даже не только в доказательстве, но и упоминании.

Таким образом, классики политической экономии сформулировали окончательно модель «экономического человека» и наделили его следующими чертами:

- в хозяйственной деятельности он мотивируется своекорыстным эгоистическим интересом;
- он прекрасно разбирается в хозяйственной деятельности и компетентен в ней;
- главным мотивом его хозяйственной деятельности выступает цель максимизации прибыли;
- хотя преследование своекорыстного интереса свойственно всем людям, «экономическим человеком» является только капиталист, предприниматель.

К. Маркс (1818–1883) – классик политэкономии – в своем критическом стиле распространил эти черты «экономического человека» на все буржуазное общество, которое «безжалостно разорвало пестрые феодальные пути... и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного “чистогана”» [10, с. 420, 426].

Черты «экономического человека» доводят до крайности в теории утилитаризма¹, родоначальником которой выступил современник Смита и Рикардо И. Бентам (1748–1832). В ней основополагающим принципом морали

¹ Утилитаризм – философско-экономический принцип, в соответствии с которым любое общественное действие рассматривается как средство достижения пользы в той или иной форме.

провозглашается стремление к достижению пользы. Под последней понимается как получение наслаждения, так и стремление к уменьшению страдания. Под наслаждением понимается потребление, под страданием – труд.

Как явствует из этого понимания страдания и наслаждения, данный принцип ничего общего с протестантским духом М. Вебера не имеет. Отсюда цель всякого человеческого действия и предметом каждой мысли любого чувствующего и думающего существа является благосостояние в той или иной форме [4, с. 4, 6, 16, 19].

- В итоге у И. Бентама «экономический человек» обладает тремя чертами:
- нацеленностью на немедленное потребление и максимизацию счастья (очень своеобразное понимание этого удивительного чисто субъективного явления в человеческой жизни. – **В.Б.**);
 - счетным рационализмом;
 - гедонизмом.

Однако в отличие от «экономического человека» А. Смита, он у И. Бентама носит универсальный характер и является надклассовым, надсловесным и надсоциальным явлением. Иначе говоря, «экономический человек» И. Бентама – это просто человек, абстрактный, любой, а следовательно, все человечество состоит из множества «*homo economicus*».

Маржиналисты подхватили эстафету у И. Бентама и восприняли даже его терминологию, но значительно усилили рационализм «экономического человека», сделав его главным героем хозяйственной деятельности. Он просто превращается в потребителя, всецело посвящая себя потребительству. Ничто другое его не интересует, а если интересует, то в лучшем случае, во вторую очередь, потом, когда-нибудь. Но главное – в потребительстве всего и вся.

Таким образом, маржиналисты, сделав главной сферой хозяйственной деятельности не производство, а обмен и, прежде всего, потребление, довели модель «экономического человека» до абсолюта:

- главными экономическими отношениями в обществе стали не отношения людей и классов (как у классиков), а отношение людей к вещам, товарам;
- главным субъектом рынка сделали не «экономического человека» А. Смита – предпринимателя, а надклассового универсального человека И. Бентама – гедониста во плоти и крови;
- арифметические расчеты «экономического человека» А. Смита заменили точным языком высшей математики гедониста И. Бентама.

В итоге «экономический человек»-предприниматель трансформируется у маржиналистов в универсального «человека-оптимизатора» или, еще хуже, «максимизатора» полезности, который, в принципе, ничем не интересуется, кроме своеобразно понимаемой им пользы (полезности).

Этот «максимизатор» полезности наделяется маржинализмом следующими чертами:

- стремлением к максимизации полезности, прибыли;
- способностью к рациональному выбору;
- способностью к сопоставлению целей со средствами их достижения;
- способностью мгновенно реагировать на изменения рыночной конъюнктуры;

- постоянством индивидуальных предпочтений и его независимостью от внешнего воздействия;
- обладанием полной информацией о рынке и на этой основе – способностью предвидеть ход событий.

Последние три свойства «экономического человека» маржиналистов весьма сомнительны и особенно сегодня, когда информация становится самым дорогим товаром. В итоге совершенно естественно и объективно «экономический человек» маржиналистов не приемлет исторического движения (изменений), не способен к восприятию диалектики, статичен в поведении и мышлении. Заведомо становится консерватором и в наихудшем его варианте – догматиком. Какая же тут «способность» мгновенно реагировать на изменение рыночной конъюнктуры.

В.С. Автономов подтверждает эту же идею, что «...некоторые признаки "экономического человека", ранее считающиеся основополагающими, отпали как необязательные. К этим признакам относится непрременный эгоизм, полнота информации, мгновенная реакция» [2, с. 62].

Однако на уровне теории, концептуально, главным отличием «экономического человека» у маржиналистов становится то, что он у А. Смита является общенаучным, методологическим принципом исследования экономической действительности, своеобразным оселком. Если хотите, философским камнем. В самом анализе рыночного механизма, включая и конкуренцию, и механизма получения доходов и потребления идея экономического человека не используется. Он со своими эгоистическими и корыстными чертами и свойствами как бы подразумевается. И только.

Совершенно иное положение занимает концепция экономического субъекта в теории предельной полезности. «Концепция экономического субъекта становится рабочей, операциональной, перерастая роль общей методологической предпосылки» [2, с. 27].

Задачей данной работы не является анализ модели «экономического человека» во всех течениях и направлениях экономической теории. Но было бы совершенно нелогично, опустить, во-первых, современный период развития экономической теории, хотя в ней до сих пор господствует маржинализм то ли в чистом виде, то ли в виде неоклассического синтеза. Во-вторых, его наиболее полно и всесторонне представляет весьма популярное направление в экономической теории – теория общественного выбора, претендующая и на универсальность, и на создание и формирование «новой политической экономии».

У Дж. Бьюкенена (1919) – отца-основателя теории общественного выбора – «экономический человек» маржиналистов непосредственно соприкасается с политикой, идеологией, государственным устройством, т.е. с тем, что выше мы назвали надстройкой, духовной сферой, где затрагиваются и вопросы свободы совести, национальной толерантности, отношение к бедности и множество других как социальных ценностей, так и социальных бед. «Экономический человек» Дж. Бьюкенена оказывается на стыке база и надстройки, как бы в фокусе их взаимоотношений.

Согласно теории общественного выбора, политики озабочены своей победой на выборах, а хозяйствующие субъекты (*homo economicus*) стремятся максимизировать прибыль (полезность). Сам же общественный вы-

бор представляет собой сведение индивидуальных, частных предпочтений в коллективное решение, которое может быть только единственным, раз оно будет принято демократическим путем, по «правилу большинства», по правилу «единодушия».

В теории общественного выбора практически все составляющие духовной сферы подчиняются интересам политиков и избирателей. Но, по существу, и те и другие – это народ целиком. И не имеет здесь значения, кто из них прав, а кто нет, кто проигрывает, а кто выигрывает. Все общественные ценности – и духовные, и материальные – сведены воедино и подчиняются одной идее в двух ипостасях: победе на выборах у одних и максимальной защите своих экономических интересов – у других, хотя, в принципе, содержательно это одно и то же. Даже у маржиналистов и утилитаристов материальное и духовное разводились, решался лишь вопрос, что первично, что вторично. В теории же общественного выбора сведение этих двух сторон общественного бытия воедино означает однозначно подчинение духовного материальному, т.е. идее «экономического человека», преследующего свой интерес. Идее, возведенной в абсолют.

Таким образом, по словам В.С. Автономова, после того как в течение более двухсот лет (с момента выхода в свет «Богатства народов» Смита) «экономический человек» был «универсальным пугалом», воплощением бездушного эгоизма и рационализма, в наши дни он становится чуть ли не идеалом творческой личности [2, с. 62]. Вряд ли можно согласиться с мнением В.С. Автономова по поводу того, что когда-то «экономический человек» был «универсальным пугалом», но полностью поддерживаем вторую часть его мысли насчет творческой личности. Начиная с А. Смита в нарастающей степени в экономической теории культивировался этот образ «экономического человека» как творческой личности. И положил этому образу начало сам Смит, формируя идею «невидимой руки», идею защиты общественных интересов через защиту своих личных, эгоистических.

Безусловно, отношение к «экономическому человеку» в экономической теории было не столь однозначным, как описано выше. Ему сопротивлялись. Этой столь однозначной фигуре хозяйственной системы. И марксисты, и так называемые буржуазные экономисты.

Первым подверг сомнению идею «экономического человека» Дж.Ст. Милль (1806–1873) еще в XIX веке. Он указал на то, что политическая экономия в анализе хозяйственной деятельности затрагивает экономическое поведение человека, но поведение человека в целом охватывает значительно более широкий спектр факторов: политических, социальных, религиозных, психологических, культурных... И все аспекты поведения человека сводить к экономическому было бы неверно. Именно в этом смысле он критиковал своих кумиров – А. Смита и Д. Рикардо, определяя их подход к «экономическому человеку» как односторонний. Он привел множество примеров из практики, когда модель «экономического человека» не срабатывает, а то и просто не работает.

Попытки протестовать против буйного экономизма в экономической теории были и у Дж. Милля. Но его рассуждения в философии этики малоубедительны, так как часто он сам себе противоречит. Например, по его мысли, каждый человек будет испытывать неудобство при мысли о дости-

жении своих личных целей способом, который мог бы противоречить правильному образу действия. И, наконец, «он начинает думать о себе как о существе, которой естественным образом считается с другими» [9, с. 787].

А. Вагнер (1835–1917), следуя Дж. Миллю, наделяет «экономического человека» чувством долга и угрызениями совести, чувством чести и страхом позора, между которыми он постоянно разрывается [17, с. 206].

Немецкая историческая школа, исходя из своей методологии, вводит в экономическую теорию понятие «народ» вместо «экономического человека», который безусловно есть «национально и исторически определенное объединенное целое». Человек же как хозяйствующая личность является продуктом этой же истории, наделенный чертами этого целого. В принципе, не отвергая его «добродетелей» как достигающего своих эгоистических целей в духе А. Смита, они к его характеристикам непременно добавляли два человеческих качества: «чувства общности» и «чувства справедливости». В остальном «экономический человек» в духе А. Смита у немецкой исторической школы остается неизменным.

Институционалисты в целом не отвергая «экономического человека» А. Смита, встают против такового у маржиналистов. Т. Веблен (1857–1929) подверг критике «homo economicus», который тщательно культивировался до этого в экономической теории.

«Экономический человек» – слишком просто для теории, претендующей на научность. Он, действующий как счетная машина, непрерывно сопоставляющий полезность благ и тяготы по их приобретению – это безнадежно упрощенная модель... Из общепринятого убеждения, что каждый индивид стремится только к наибольшей выгоде, нельзя объяснить такие бесспорные явления, как склонность к престижному потреблению или сбережению в ущерб удовольствию. Поведение человека определяется не только экономическими, но и социальными, политическими, национальными факторами, закрепленными в традициях, обычаях правовых рамках. Склонность к сбережению, престижное потребление, отказ от высокой зарплаты в пользу свободного времени невозможно объяснить с точки зрения человека, постоянно сопоставляющего свои доходы с расходами. Жизнь дискредитировала гедонистический мотив человеческого поведения, направленного на получение наслаждения и удовольствия [1, с. 318].

Т. Веблен критиковал и методологию экономической теории, основанную на анализе поведения индивида или изолированного потребителя, осудил метод «робинзонады».

Дж. Гэлбрейт (1908–2006) – убедительно опровергает маржиналистов и неоклассиков – заступников «экономического человека» своим парадоксом денежного мотива. Суть его состоит в том, что чем выше уровень оплаты труда, тем меньше ее значение относительно других мотивов.

Общим же для всех институционалистов является отрицание мотива человеческого поведения, направленного на получение наслаждения и удовольствия, которые вслед за Бентамом и Джевонсом считали основополагающим маржиналисты. Более того, институционалисты меняют глобальную субординацию ценностей, возвращая нас, по сути, к марксистскому пониманию и их толкованию в немецкой исторической школе. На первое место ставятся интересы общества как движущий мотив в общественном

производстве и только потом, в рамках первого, интересы индивида, добавляя к ним духовные институты: религию, традиции, нравы, обычаи, общественное мнение и т.д.

Современный американский экономист Сидни Уинтер (1935), подвергший серьезной критике «экономического человека», считает, что «с точки зрения целей экономической науки модель рационального индивида, преследующего собственный интерес, имеет ряд серьезных ограничений». По его словам, и поведение, и оценка человеческой природы должны опираться и на биологические, и на культурные доминанты. Более того, он в своей критике восходит к обобщениям на самом высоком методологическом уровне: «Если в данном конкретном случае результаты такой оценки окажутся отличными от предпосылок “здорового” экономического анализа, экономическая теория должна претерпеть трансформацию – разумеется, если мы стремимся к прогрессу экономической науки» [14, с. 614]. Такую трансформацию она сможет претерпеть, если станут очевидными связи экономической теории с другими социальными науками и биологией, – заключает он. Подведем итоги.

- Экономический детерминизм в научном его понимании в конечном итоге оказывается не столько открытием К. Маркса и Ф. Энгельса, сколько результатом развития в целом экономической теории. Именно это мы и хотели особенно подчеркнуть.

- Если хозяйствующий субъект при рабовладении и феодализме руководствовался социальными и религиозными нормами поведения, а последнее носило подчиненный характер по отношению к ним, то в рыночной системе его экономические (эгоистические) интересы становятся доминирующими, в тенденции (в конечном итоге) определяющие социальные нормы, приобретают характер детерминанты.

- В процессе развития рыночной системы, а вместе с ней и экономической теории процессы доминирования в обществе экономических интересов усиливаются. У меркантилистов «экономический человек» – человек торговый, у классиков – предприниматель, в утилитаризме – наднациональный, надклассовый, универсальный гедонист, и, наконец, у маржиналистов – человек-счетчик, максимизатор полезности. Мы можем с полным основанием сказать, что концепция «экономического человека» была одним из мощнейших факторов выделения экономической теории из нравственной философии (см. А. Смит) и становления ее как науки.

Таким образом, экономическая теория, начиная с меркантилистов, усиливала характеристики «экономического человека», развивая доказательную базу экономического детерминизма в наиболее одиозной и искаженной, как сказал бы Маркс, в вульгарной форме, превратив человека в рационально мыслящего максимизатора полезности, в машину, калькулятора, постоянно сопоставляющего свои доходы и расходы и лишив его каких-либо духовных начал.

Экономический детерминизм в этом процессе вырождается в «вульгарный экономизм», а просто человек со своими гуманистическими, духовными ценностями превращается в просто асоциального потребителя.

Вместе с развитием «вульгарного экономического детерминизма» в экономической теории растет сопротивление и протест против модели

«экономического человека». Дж. Милль, А. Вагнер, Т. Веблен, В. Зомбарт, Дж. Гелбрейт, С. Уинтер и т.д. внесли огромный вклад в понимание экономического детерминизма. Не говоря уже о том, что одним из первых восстал против такого его вульгарного понимания, сам отец-основатель теории общественно-экономических формаций – К. Маркс.

Что важно отметить! Мы рассмотрели концепцию «экономического человека» в Западной экономической мысли. «Экономический человек» плоть от плоти порождение западной цивилизации и в ее же рамках развивается. Для Индии, Китая, России и множества других стран, относящихся к другим цивилизациям, идея «экономического человека» чужда и в значительной степени в ходе реформ навязана им. По словам Хантингтона, западная цивилизация уникальна своим классическим наследством: христианством, языками, господством закона, социальным плюрализмом и гражданским обществом, представительной властью, индивидуализмом и рационализмом. Именно они и создают Запад в совокупности. Всех этих свойств и особенностей в остальном мире, да еще в такой совокупности, нет. И навязывать нам и им модель «экономического человека» – порождение западной цивилизации – наверное, было бы не только научно не обосновано, но и не совсем этично со всех точек зрения. Да и статья самого Хантингтона озаглавлена весьма символично: «Запад уникален, но не универсален» [16, с. 84–87].

Автор данной работы специально не затронул в целом «цивилизационный» подход к исследованию модели «экономического человека», так как сторонники этого подхода впадают в другую крайность – в превознесении воздействия на поведение человека духовных, гуманистических и других факторов и ценностей и преуменьшением воздействия на него экономических. Если можно выразиться так: впадают в духовный детерминизм.

Главный вопрос в философии экономики – это познание не просто человека, а экономического, хозяйствующей личности. Целью этого познания является сведение в единую целостность человека и экономического человека. В ту самую целостность, личность, которая позволит человеку выйти за рамки своего «экономизма». Цель – очень трудно достижимая, но все же вполне реальная в отдаленном будущем. К сожалению, экономический человек сегодня господствует над просто человеком, ограничивая, не давая проявляться его многим общечеловеческим качествам, в целом человечности.

Литература

1. *Автономов В.С. и др.* История экономических учений. М.: Инфра-М, 2000. 783 с.
2. *Автономов В.С.* Модель человека в экономической теории и других социальных науках // Теория и методология истории. СПб.: Экономическая школа, 1998. 72 с.
3. *Аникин А.В.* Юность науки. М.: ИПЛ, 1971. 382 с.
4. *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. М.: Россмэн, 1998. 190 с.
5. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 464 с.
6. *Ветошкин А.П.* Философия. Екатеринбург, 2004. 532 с.
7. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 576 с.

8. *Зомбарт В.* Современный капитализм. Т. 1. М.: Л., 1931. 560 с.
9. *Итуэлл Дж., Милгейт М., Ньюмен П.* Экономическая теория. М.: Инфра-М, 2004. 932 с.
10. *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. Т. 4. М.: Изд-во политической литературы, 1955. 616 с.
11. *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. Т. 13. М.: Изд-во политической литературы, 1959. 771 с.
12. *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. Т. 20. М.: Изд-во политической литературы, 1961. 828 с.
13. *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. Т. 37. М.: Изд-во политической литературы, 1955. 600 с.
14. *Уинтер С.* Естественный отбор и эволюция // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: Инфра-М, 2004. С. 606–616.
15. *Федоренко Н.П. А. Смит и современная политэкономия* / Под ред. Н.А. Цаголова. М.: Изд-во МГУ, 1979. 214 с.
16. *Хантингтон С.П.* Запад уникален, но не универсален // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 8. С. 84–87.
17. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. I. М.: СЭ, 1972. 560 с.

Bibliography

1. *Avtonomov V.S. i dr.* Istorija jekonomicheskikh uchenij. М.: Infra-М, 2000. 783 p.
2. *Avtonomov V.S.* Model' cheloveka v jekonomicheskoy teorii i drugih social'nyh naukah // Teorija i metodologija istorii. SPb.: Jekonomicheskaja shkola, 1998. 72 p.
3. *Anikin A. V.* Junost' nauki. М.: IPL, 1971. 382 p.
4. *Bentam I.* Vvedenie v osnovanija npravstvennosti i zakonodatel'stva. М.: Rossmjen, 1998. 190 p.
5. *Bulgakov S.N.* Filosofija hozjajstva. М.: Institut russkoj civilizacii, 2009. 464 p.
6. *Vetoshkin A.P.* Filosofija. Ekaterinburg, 2004. 532 p.
7. *Djurkgejm Je.* O razdelenii obshhestvennogo truda. Metod sociologii. М.: Nauka, 1991. 576 p.
8. *Zombart V.* Sovremennyj kapitalizm. T.1. М.: L., 1931. 560 p.
9. *Itujell Dzh., Milgejt M., N'jumena P.* Jekonomicheskaja teorija. М.: Infra-М, 2004. 932 p.
10. *Marks K., Jengel's F.* Sobranie sochinenij. Т. 4. М.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1955. 616 p.
11. *Marks K., Jengel's F.* Sobranie sochinenij. Т. 13. М.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1959. 771 p.
12. *Marks K., Jengel's F.* Sobranie sochinenij. Т. 20. М.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1961. 828 p.
13. *Marks K., Jengel's F.* Sobranie sochinenij. Т. 37. М.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1955. 600 p.
14. *Uinter S.* Estestvennyj otbor i jevoljucija // Jekonomicheskaja teorija / Pod red. Dzh. Itujella, M. Milgejta, P. N'jumena. М.: Infra-М, 2004. P. 606–616.
15. *Fedorenko N.P. A. Smit i sovremennaja politjekonomija* / Pod red. N.A. Cagolova. М.: Izd-vo MGU, 1979. 214 p.
16. *Hantington S.P.* Zapad unikalen, no ne universalen // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. 1997. № 8. P. 84–87.
17. Jekonomicheskaja jenciklopedija. Politicheskaja jekonomija. Т. I. М.: SJe, 1972. 560 p.